Д13 5/51

Ф13 5 51

ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РѢДКИНЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

СООБЩЕНІЕ

Одесскому Юридическому Обществу

М. В. ШИМАНОВСКАГО.

ОДЕССА.

Типографія „Одесскаго Листка“, Дерибасовская ул., д. Меля, № 10.

1891.

Д13 5/51

ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РѢДКИНЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

СООБЩЕНІЕ

Одесскому Юридическому Обществу

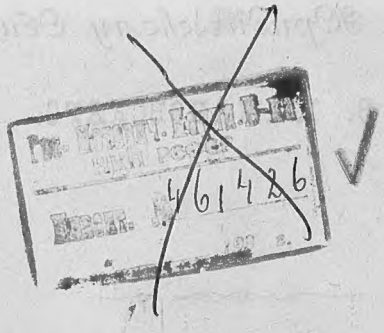
М. В. ШИМАНОВСКАГО.

ОДЕССА.
Типографія „Одесскаго Листка", Дерибасовская ул., д. Меля, № 10.
1891.

322/3

Госуд. публичная
историческая
библиотека РОССИИ
461426

Печатано по опредѣленію Совѣта Одесскаго Юридическаго Общества.



Посвящаю

моимъ дѣтямъ

М. ШИМАНОВСКІЙ.

ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РѢДКИНЪ.

(Біографическій очеркъ).

Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи Одесскаго Юридическаго Общества 30-го Октября 1890 г.

Мм. гг.!

5-го октября нынѣшняго года исполнилось 60 лѣтъ, какъ Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ вступилъ на государственную службу. Газеты, далеко ранѣе наступленія срока, говорили объ этомъ юбилеѣ. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ многіе изъ его слушателей ждали газетныхъ описаній этого торжества, но каково-же было ихъ разочарованіе, когда они узнали, что Петръ Григорьевичъ уклонился отъ юбилея; онъ для того, чтобы избѣжать поздравленій и пріема депутацій, ушелъ изъ дому.

Петръ Григорьевичъ былъ внѣ дома, когда министры, члены государственнаго совѣта и лица высокопоставленныя являлись его поздравлять,—когда являлись къ нему депутаціи. Хотя и съ грустью пришлось прочесть это извѣстіе, но я въ поступкѣ Петра Григорьевича увидѣлъ все того же человѣка, котораго я зналъ лѣтъ 27 тому назадъ: скромный всегда, молчаливый, удалявшійся отъ людей, проводящій все время перемѣны отъ одной лекціи до другой не въ лекторіи, гдѣ обыкновенно собирались профессора, а внизу, въ комнатѣ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ университета, всегда въ вицъ-мундирѣ появляющійся на каѳедру. Этотъ образъ Петра Григорьевича живо вспомнился мнѣ. Эти воспоминанія, мм. гг., вызванныя такимъ обстоятельствомъ, какъ юбилей одного изъ любимѣйшихъ профессоровъ студентами Петербугскаго университета, дали мнѣ идею сообщить вамъ факты, мнѣ извѣстные изъ жизни Петра

Григорьевича, какъ моего профессора, и представить вашему вниманію, по мѣрѣ силъ моихъ, его біографію. Ваша всегдашняя ко мнѣ, мм. гг., снисходительность послужила увѣренностью, что вы и сегодня окажете мнѣ вниманіе и мою безъискуственную рѣчь выслушаете безъ осужденій.

Трудно, господа, не быть обвиненнымъ въ извѣстной долѣ увлеченія, когда приходится говорить о тѣхъ фактахъ, которые имѣли мѣсто въ то время, которое въ жизни всякаго изъ насъ есть время розовыхъ надеждъ, время увлеченія всѣмъ добрымъ, хорошимъ, и когда каждый изъ насъ стремился къ познанію той истины, которая должна руководить имъ во всю его жизнь. О такомъ расцвѣтѣ своей жизни я и долженъ буду говорить при воспоминаніи о Петрѣ Григорьевичѣ, а потому и прошу заранѣе извинить меня за мою смѣлость.

Года, пережитые мною по выходѣ изъ университета, уже достаточно продолжительны, чтобы о томъ, что совершалось 27 лѣтъ тому назадъ, говорить спокойно, но я долженъ однако сознаться, что при воспоминаніи о своемъ профессорѣ Петрѣ Григорьевичѣ я впадаю въ какое-то благоговѣйное настроеніе, и я думаю о немъ какъ объ учителѣ,—о томъ человѣкѣ, который насъ велъ къ добру и ко всему святому въ жизни.

Вступилъ я въ Петербургскій университетъ на 18 году жизни, пробывъ предварительно годъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ. Такимъ образомъ я пришелъ въ Петербургскій университетъ не прямо съ гимназической скамейки, а уже бывшимъ лицеистомъ; слыхалъ я уже профессоровъ и имѣлъ понятіе, что такое лекціи. На меня и на большинство моихъ сотоварищей весьма непріятно подѣйствовало и вообще произвело непріятное впечатлѣніе извѣстіе, что Рѣдкинъ вступилъ въ университетъ не по выбору профессоровъ, а по назначенію. Что можно ожидать, говорили многіе изъ моихъ товарищей, отъ человѣка, котораго еще Сперанскій экзаменовалъ и который хотя и былъ профессоромъ, но затѣмъ лѣтъ 15 провелъ внѣ университетской жизни? Все это невольно заставляло многихъ

изъ насъ къ нему заранѣе чувствовать какое-то предубѣжденіе.

Начало лекцій въ 1863 году оттягивалось, такъ какъ нужно было организовать факультетъ юридическій вновь, въ виду его двухгодичнаго закрытія. Прошелъ сентябрь и уже начался октябрь, когда мы узнали, что первую лекцію намъ прочтетъ Рѣдкинъ по энциклопедіи права. Въ день первой лекціи явились почти всѣ студенты университета. Лекція назначена была въ XI аудиторіи, въ единственной, которая устроена амфитеатромъ. Слушатели сидѣли на всѣхъ скамьяхъ, на стульяхъ, въ пространствѣ между скамьями и каѳедрой, нѣкоторые на окнахъ, многіе стояли, а нѣсколько человѣкъ помѣстилось на ступенькахъ каѳедры. Петръ Григорьевичъ едва могъ пройти на каѳедру. Онъ былъ видимо взволнованъ. Помолчавъ нѣсколько минутъ, которыя намъ казались вѣчностью (такъ какъ каждому хотѣлось какъ можно скорѣе услыхать его голосъ), онъ произнесъ глухимъ голосомъ, скороговоркой мм. гг,... и опять умолкъ... Опять молчаніе, опять пауза. Наконецъ, онъ началъ такъ.

«Снова вступаю я на каѳедру, которую долго занималъ въ Московскомъ университетѣ; вступаю и теперь въ нечуждый мнѣ университетъ, нѣкогда удостоившій меня высшей ученой степени доктора правъ; вступаю при тѣхъ-же почти обстоятельствахъ, при которыхъ началась въ Москвѣ моя профессорская дѣятельность. Теперь, какъ и тогда, вводится новый уставъ русскихъ университетовъ; теперь, какъ и тогда, вводится въ преподаваніе нашихъ университетовъ если не новая, то, по крайней мѣрѣ, обновленная наука, составляющая предметъ мой каѳедры. Слѣдовательно, теперь, какъ и тогда, отъ меня потребуется усиленная дѣятельность и при томъ опять такая, которая была-бы согласна съ требованіями современности».

Эти первыя слова уже приковали наше вниманіе. Содержаніе лекціи во многомъ было отвѣтомъ на наше предубѣжденіе. Петръ Григорьевичъ объяснилъ намъ, какъ онъ провелъ время по прекращеніи лекцій въ Московскомъ

университетѣ въ теченіе 15 лѣтъ. Объяснилъ свое назначеніе на каѳедру къ намъ; какъ онъ не могъ удержаться передъ желаніемъ вновь явиться на каѳедру; какое требованіе современная наука предъявляетъ къ его предмету и какъ энциклопедія права должна быть самостоятельною и т. под... И наконецъ, обращаясь къ намъ, онъ сказалъ:

«Ни эгоизмъ, ни опасеніе начинать новое, ни сознаніе громадности труда и недосягаемости идеала—ничто не не могло поколебать моего рѣшенія предстать предъ вами—естественными судьями моей общественной дѣятельности, на свободно избранномъ мною научномъ поприщѣ.

«Судите меня, мою профессорскую дѣятельность, мои лекціи со всею строгостью и безпристрастіемъ судей, но помните, что вы будущіе юристы, должны будете всегда выслушивать подсудимаго, прежде нежели произнести надъ нимъ справедливый приговоръ свой; помните, что предъ вами первый преподаватель небывалой да и весьма всегда юной науки и помните, что самъ этотъ преподаватель не убоялся въ самомъ началѣ представить тотъ идеалъ этой науки, передъ величіемъ котораго должны поблѣднѣть самые добросовѣстные, неутомимые труды его, потому что онъ считалъ безчестнымъ понизить свой идеалъ на столько, чтобы могла возвыситься его ничтожная въ исторіи науки личность. Судите меня—на то я сюда пришелъ, какъ лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самаго дѣла, какъ профессоръ университета, того высшаго ученнаго и учебнаго учрежденія, гдѣ замолкаютъ авторитеты и начинаетъ говорить сама истина, сама наука въ современномъ ея состояніи, согласная съ міросозерцаніемъ представителей современности, наука самостоятельная, какъ самостоятельна истина, наука саморазвивающаяся по вѣчнымъ логическимъ законамъ разума и жизни, наука независимая ни отъ какихъ посторонніхъ внѣшнихъ цѣлей,—ни отъ какихъ предубѣжденій и предразсудковъ, наука безстрашная, не останавливающаяся ни предъ какими своими результатами, наука самоцѣльная, дорожащая каждою истиною, хотя-бы еще и неприложимою

въ жизни въ настоящее время, въ томъ убѣжденіи, что истина, какъ разумное, рано или поздно осуществится, что по нашей народной пословицѣ—«все минется, одна правда останется», а потому вмѣстѣ и практическая въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо не практичное — не истина, а ложь; это-то, а не другой какой-либо произвольный, выдуманный мною идеалъ и поставляю я для той науки, которой мнѣ суждено быть здѣсь первымъ провозгласителемъ; но иначе эта наука и не будетъ наукою, какой она должна быть по своей сущности. И такъ, чтобы энциклопедія права была наукою, необходимо, чтобы она имѣла всѣ существенныя свойства науки вообще—словомъ, чтобы она была независимая, свободная, самостоятельная, саморазвивающаяся, самоцѣльная и вмѣстѣ практичная.

«Съ надеждою на наше постоянное вниманіе, съ искреннею любовью къ предмету моего преподаванія, съ вѣрою въ конечное торжество науки, въ побѣду знанія надъ невѣжествомъ, истины надъ ложью, свѣта подъ тьмою, правды и справедливости надъ неправдой и несправедливостью, я приступаю къ изложенію энциклопедіи права».

Все это было сказано съ такимъ воодушевленіемъ, съ такою энергіею; что всѣ слушатели лишь послѣ нѣсколькихъ секундъ могли придти въ себя. Въ аудиторіи было сначало молчаніе, но затѣмъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, мы начали апплодировать. Долго я ходилъ въ какомъ-то настроеніи экстаза. Я слыхалъ впервые то, чего я не слыхалъ прежде и о чемъ я не имѣлъ ровно никакого понятія и чего много я даже понять не могъ. Но я инстиктивно сознялъ, что этотъ человѣкъ горячо любитъ ближняго, любитъ науку и всѣми силами своего ума и сердца работаетъ надъ нею на пользу другихъ.

Мы ждали второй лекціи. Чтеніе хотя уже и болѣе спокойное, но тѣмъ не менѣе блестящее; поясненія того или другого положенія вызывали увлекательные порывы, гдѣ рѣчь у профессора лилась громко и стройно. Кончилась вторая лекція и опять апплодисменты. Не дойдя до выходной двери, Петръ Григорьевичъ вернулся и, взойдя на

каѳедру, сказалъ: «Господа, сказать, что мнѣ непріятны ваши апплодисменты я не могу, я сказалъ бы неправду, это было бы нечестно, но я прошу помнить, что вы юристы. Вы, всѣ здѣсь присутствующіе, дали подписку свято исполнять правила университетскаго устава, гдѣ воспрещено одобреніе и порицаніе профессорскихъ чтеній,— исполняйте же свято ваши обязанности—это долгъ юриста!» Послышалось нѣсколько возгласовъ «Браво!».., но большинство было сконфужено. Мы доказали, передъ профессоромъ воочію, что мы не поняли его первой лекціи, гдѣ онъ рисовалъ намъ картину обязанностей юриста. Послѣ этого инцедента уже не раздавались апплодисменты на лекціяхъ Рѣдкина, но зато въ каждомъ изъ насъ росло все больше и больше чувство уваженія и симпатіи къ Петру Григорьевичу. Многое изъ того, что читалъ намъ Петръ Григорьевичъ, ни я, ни мои товарищи не понимали, но зато мы всѣ чувствовали послѣ лекцій Рѣдкина, что еще новое доброе сѣмя онъ заронилъ въ наши сердца. Мы сознавали, что это какое-то ученіе чего-то высоко-нравственнаго и гуманнаго. Никогда не забуду послѣдней лекціи о Гегелѣ. Изложивъ въ нѣсколькихъ лекціяхъ ученіе Гегеля, Петръ Григорьевичъ началъ дѣлать поясненія о значеніи теоріи абсолютизма, какую роль она сыграла въ исторіи человѣческаго мышленія и какъ она несостоятельна передъ системой позитивизма, представителемъ котораго является Огюстъ Контъ. Эта критика продолжалась почти цѣлую лекцію, которая была прочитана при страстныхъ порывахъ и увлеченіяхъ Петра Григорьевича; въ каждой фразѣ профессора дышала какая то скорбь передъ низвергнутымъ кумиромъ. Рѣдкинъ развѣнчалъ своего учителя, свой идеалъ! Онъ указывалъ Гегелю мѣсто въ исторіи человѣческаго мышленія. Впечатлѣніе было поразительное. Мы долго не могли забыть этой лекціи. Намъ было жаль Петра Григорьевича, что ему, какъ ученику Гегеля, котораго онъ глубоко уважалъ и которому такъ много былъ обязанъ, пришлось, согласно требованію новыхъ философскихъ теорій, доказывать несостоятельность того, во что

онъ вѣрилъ,—что любилъ! Такія лекціи не забываются, и я до сихъ поръ живо вспоминаю, какъ мы въ юношескомъ порывѣ скорбѣли за Рѣдкина и какъ намъ было грустно и за Гегеля.

Такъ прошелъ первый и второй годъ чтеній.

Когда Петръ Григорьевичъ читалъ нашему курсу послѣднюю лекцію по энциклопедіи права, то мы ему не аплодировали, мы еще помнили тогда его слова. Для составленія программы экзамену за два года (тогда существовало правило объ экзаменахъ полукурсовыхъ), Петръ Григорьевичъ просилъ явиться къ нему. Между прочими студентами, онъ пригласилъ и меня, такъ какъ онъ меня зналъ, какъ составителя его лекцій. Хотя Петръ Григорьевичъ и выдавалъ намъ конспектъ своихъ лекцій, который и литографировался, но конспектъ далеко не могъ воспроизвести всего того, что говорилось на лекціяхъ. Записать все за Петромъ Григорьевичемъ было весьма трудно, не потому, чтобы онъ читалъ скоро, нѣтъ, напротивъ того, положенія онъ излагалъ очень тихо, такъ что каждое слово можно было записать, но зато когда онъ дѣлалъ объясненія высказанныхъ положеній, то онъ ихъ дѣлалъ съ такими увлеченіями, что, противъ нашей воли, каждый изъ записывавшихъ переставалъ писать и обращался въ слухъ. Эти объясненія часто и пропадали и ихъ то и приходилось пополнять. Петръ Григорьевичъ для пріема студентовъ назначилъ одинъ день въ недѣлю, воскресенье, отъ 7 час. до 11 ч. Ходилъ я къ нему съ товарищами по составленію лекцій для пополненія пробѣловъ. Петръ Григорьевичъ принималъ студентовъ всегда въ гостинной или въ столовой. Въ кабинетъ онъ никогда никого не приглашалъ. Въ гостинную обыкновенно приносились карандаши, чернильница и шло исправленіе лекцій или составленіе программъ. Петръ Григорьевичъ поражался, что его лекціи такъ буквально записывались и не вѣрилъ, что они составлены не стенографическимъ порядкомъ. Когда-же дѣло доходило до пропущенныхъ объясненій, то Петръ Григорьевичъ всегда находилъ, что это можно опустить. Да вѣдь это хорошее

мѣсто, говорили мы. Улыбнется на это Петръ Григорьевичъ и скажетъ бывало: «Ну, если хорошо, пусть будетъ такъ, а все-таки безъ него можно обойтись». Такъ исчезали прекрасныя мѣста изъ записокъ лекцій моего курса. Когда приходилось составлять программу, то онъ, какъ я сказалъ, приглашалъ къ себѣ студентовъ. Здѣсь мы, не стѣсняясь, говорили ему, что слѣдовало-бы или пропустить, или соединить съ другимъ, а то трудно будетъ отвѣчать на экзаменѣ, говорили мы. Рѣдкинъ соглашался на всѣ наши просьбы, прибавляя при этомъ, улыбаясь: «А все-таки будетъ трудно отвѣчать». Однажды, при составленіи программы, одинъ изъ моихъ товарищей сказалъ ему: «А знаете-ли, профессоръ, мы цѣлый годъ васъ слушали, слыхали разныя хорошія вещи, а энциклопедіи права не слыхали».

— А вы прочитывали мои лекціи?

— Да, кое-какія читалъ,—отвѣчалъ студентъ.

— А вы ихъ прочтите всѣ въ совокупности.

Другой ему говорилъ: «Знаете что, профессоръ, слушать васъ было пріятно, но понимать васъ я началъ послѣ того, какъ прочелъ Неволина «Энциклопедію права», Куно Фишера «Исторію философіи», Люиса «Исторію философіи», Аренса «Энциклопедію права». На второмъ курсѣ я лишь началъ понимать васъ и связь одного съ другимъ».

— Это самое я много разъ слыхалъ и отъ студентовъ Московскаго университета и поэтому въ Московскомъ университетѣ (гдѣ экзамены были ежегодно) приходилось ставить единицы и нули.

Между тѣмъ, время приближалось къ экзаменамъ. Экзаменъ очень занималъ Рѣдкина, онъ видимо волновался и объ этомъ часто говорилъ со студентами.

Первый экзаменъ былъ назначенъ по энциклопедіи права. Я готовился съ четырьмя товарищами. За нѣсколько дней до экзамена одинъ заболѣлъ, другой болѣе зрѣлый, чѣмъ я, и смотрѣвшій серьезно на свои студенческія обязанности, наканунѣ экзамена явился ко мнѣ и заявилъ, что онъ не идетъ экзаменоваться, такъ какъ чувствуетъ себя неподготовленнымъ, и что вообще, не зная хорошо всего

предмета, нельзя идти къ Рѣдкину экзаменоваться. Я страшно волновался. Не спалъ я цѣлую ночь и не зналъ, что дѣлать. Наступилъ роковой день экзамена. Аудиторія была переполнена, когда вошелъ Петръ Григорьевитъ съ ассистентомъ, профессоромъ М. М. Михайловымъ. Послѣдній очень удивился количеству, явившихся на экзаменъ студентовъ. «Успокойтесь, — сказалъ Петръ Григорьевичъ, — здѣсь большинство зрителей». Дѣйствительно, такъ и оказалось. Изъ 118 человѣкъ нашего курса экзаменовалось лишь 36 человѣкъ.

Сѣлъ Петръ Григорьевичъ за столъ, положилъ передъ собой пачку бѣлой бумаги, разрѣзанной на полулисты, положилъ часы, снятые съ цѣпочки, затѣмъ вынулъ изъ кармана составленные имъ билеты, на картонѣ, гдѣ написанъ былъ весь вопросъ программы, а не одинъ только № билета. Все это показалось всѣмъ намъ до того новымъ и оригинальнымъ, что всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, отшатнулись отъ стола. «Прошу», сказалъ Рѣдкинъ. Никто не двигался. «Прошу», повторилъ Петръ Григорьевичъ. Послѣ долгихъ переминаній, волненій и переговоровъ вышло два студента, З... и Р... З. (нынѣ профессоръ) уже на второмъ курсѣ обратилъ на себя вниманіе и считался выдающимся студентомъ. Р., хотя ни чѣмъ особеннымъ не отличался, но тѣмъ не менѣе считался хорошимъ студентомъ. До прихода-же Петра Григорьевича онъ говорилъ намъ, что онъ не боится ничего, такъ какъ все знаетъ хорошо. Когда З. и Р. подошли къ столу, Петръ Григорьевичъ потасовалъ билеты, подобно тому какъ тасуютъ карты, самъ выбралъ одну изъ картонокъ и далъ одну одному, а другую другому студенту. Начали обдумывать. Но не долго это обдумываніе продолжалось. З. началъ отвѣчать первымъ. По мѣрѣ того, какъ З. отвѣчалъ, Петръ Григорьевичъ все писалъ на тѣхъ полулистахъ бумаги, которые имъ были принесены. Говорилъ З., говорилъ и, наконецъ, замолчалъ. «Вамъ принадлежитъ 25 минутъ, можете ими распологать», сказалъ Петръ Григорьевичъ. З. молчалъ. Когда 25 минутъ прошло, Петръ Григорьевичъ, про-

смотрѣвъ свои записки, сказалъ: «Вашъ отвѣтъ нелогиченъ и непослѣдователенъ. Вы не съумѣли схватить самыхъ существенныхъ сторонъ вопроса. Вообще вашъ отвѣтъ неудовлетворителенъ». Затѣмъ онъ началъ спрашивать отвѣчавшаго, что значитъ та или другая, сказанная имъ фраза. Студентъ или отвѣчалъ, или молчалъ. Послѣ всего этого Петръ Григорьевичъ объявилъ, что онъ не можетъ З. поставить болѣе двойки, «или приходите въ августѣ», предложилъ ему Петръ Григорьевичъ. Съ такимъ же предложеніемъ ушелъ и Р... Послѣ этихъ двухъ піонеровъ долгое время другіе студенты воздерживались подходить къ столу. Наконецъ вышелъ М. (нынѣ извѣстный ученый).— М. посѣщалъ Петра Григорьевича почти каждое воскресеніе и былъ хорошо ему извѣстенъ, какъ занимавшійся и бравшій у Петра Григорьевича книги для прочтенія. Отвѣчалъ М. довольно порядочно, а Петръ Григорьевичъ все записывалъ уже на другомъ листкѣ бумаги. «А читали вы что-либо по моему предмету?» Читалъ отвѣчалъ М. — «А что именно?» — Читалъ Исторію Куно-Фишера.

«Ну разскажите, какъ онъ понимаетъ Гегеля?» — М. начинаетъ излагать, но Петръ Григорьевичъ говоритъ ему: «Да вѣдь вы говорите то, что у меня въ лекціяхъ. Нѣтъ, вы объясните взглядъ Куно-Фишера». М. путается. — Ну, довольно. И студенту Рѣдкинъ ставитъ 4. Мы сейчасъ-же сговорились, на вопросъ о чтеніи чего либо говорить, что ничего не читали. Пошли другіе экзаменоваться и съ легкой руки М. начали получать 4—3, но до 5 еще дѣло не доходило.

Усталый, измученный, не спавшій всю ночь, я, наконецъ, видя, что Рѣдкинъ хочетъ прервать экзаменъ до слѣдующаго дня, подошелъ къ столу и попросилъ у него дать мнѣ вопросъ, такъ какъ меня положительно оставляютъ силы. Посмотрѣлъ на меня Петръ Григорьевичъ и сказалъ: «Да это видно» и протянулъ мнѣ карточку. На моей карточкѣ было написано — «Шталь» и больше ни слова. Что тутъ было обдумывать, нужно было только собраться съ мыслями и овладѣть собой. Когда до меня

дошла очередь и я сѣлъ въ кресло передъ экзаменаціоннымъ столомъ, то, боясь, чтобы на меня, какъ нервнаго человѣка, не подѣйствовали записыванія Петра Григорьевича, я сдѣлалъ полуоборотъ и всецѣло обратился къ ассистенту, профессору Михайлову. Началъ я свой отвѣтъ съ изложенія философскихъ школъ, предшествовавшихъ ученію Шталя, что имъ заимствовано изъ прежнихъ ученій для уясненія своего божества. Говорилъ я долго, а между тѣмъ прошло лишь 10 минутъ. Бросаю украдкой взглядъ на Петра Григорьевича и вижу, что онъ перо оставилъ, вынулъ портъ-сигаръ и приготовлялся закурить сигару. Это для всѣхъ показалось большой неожиданностью. Проходитъ 15 минутъ, и Петръ Григорьевичъ меня останавливаетъ. «Хорошо, говоритъ онъ, скажите, какъ Шталь понимаетъ право, общество и государство?...» Я началъ опредѣлять эти понятія. Не прошло и 5 минутъ, какъ Петръ Григорьевичъ говоритъ: «Хорошо. Я еще никогда не слыхалъ такого отвѣта отъ студента, логичнаго, послѣдовательнаго. Хорошо, очень хорошо. Ну, а что значитъ міросозерцаніе; вы это слово упомянули?» Я объяснилъ.— «Очень хорошо» и первыя 5 того экзамена оказались у меня. Куда дѣвалась вся усталость, голодъ и т. под. Я просто былъ внѣ себя отъ восторга. Я какъ одурѣлый бросился изъ аудиторіи. За мной вышли и другіе студенты и начали меня поздравлять.—Ну, мы не ожидали отъ васъ такого отвѣта, говорили мнѣ нѣкоторые изъ нихъ. Я молчалъ и не зналъ, что отвѣчать.

Таковъ былъ первый экзаменъ, который Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ произвелъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Страху было много. Выдержало 34 человѣка, а остальные два, первые державшіе съ нами, экзаменовались съ остальными студентами въ августѣ мѣсяцѣ. Въ слѣдующіе годы Петръ Григорьевичъ отказался отъ всѣхъ вышеописанныхъ пріемовъ при экзаменахъ.

Въ третьемъ курсѣ Петръ Григорьевичъ читалъ намъ исторію философіи права. Ровно до Рождества онъ излагалъ намъ введеніе. По поводу такого продолжительнаго чтенія

въ одномъ изъ юмористическихъ журналовъ того времени, не помню названія, появилась каррикатура. На рисункѣ былъ изображенъ Петръ Григорьевичъ на каѳедрѣ читающимъ лекцію, а внизу была надпись такая: «И такъ, м. г., въ теченіи 10-ти лекцій я вамъ объяснялъ слово «Филіо», теперь я приступаю къ объясненію слова «Софія», что займетъ лекцій 15». Всѣ мы смѣялись надъ вѣрностью изображенія Петра Григорьевича. Смѣялся надъ этой каррикатурой и Петръ Григорьевичъ, сказавъ: «А что, вѣдь это правда».

Третій курсъ прошелъ безъ особенно выдающихся событій, но, однако, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что задолго до окончанія курса, т. е. того года, когда мы съ Рѣдкинымъ должны были проститься, между студентами началась подписка на альбомъ Петру Григорьевичу. Было опредѣлено, чтобы всѣ платили не болѣе 50 коп. Это было установлено съ той цѣлью, чтобы каждый могъ участвовать въ этой подпискѣ. Распорядителями этого предпріятія были студентъ Б. и я. Альбомъ былъ составленъ по рисунку, обсужденному и одобренному сообща, который и былъ готовъ къ концу года, но было рѣшено поднести альбомъ послѣ экзаменовъ, т. е. когда наши отношенія къ Петру Григорьевичу совершенно прекратятся *).

На послѣднюю лекцію собрались почти всѣ студенты всѣхъ трехъ курсовъ. Лекція была блестящая. Рѣдкинъ, прощаясь съ нами, напутствовалъ насъ добрыми пожеланіями. Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то раздался громъ

---

*) Вотъ описаніе альбома. Крышка альбома была сдѣлана изъ синяго бархата. На лицевой сторонѣ шли съ верху до низу сдѣланныя изъ серебра вѣтви изъ лавровыхъ листьевъ, внизу обѣ вѣтки были перевязаны лентою изъ серебра, а на мѣстѣ соединенія вѣтвей сдѣлана раскрытая книга. Между вѣтвей была надпись серебряными буквами: „Петру Григорьевичу Рѣдкину“ на лентѣ: „отъ слушателей“, а на раскрытой книгѣ на одной сторонѣ — годъ, мѣсяцъ и число первой лекціи, читанной Петромъ Григорьевичемъ намъ, а на второй — годъ и число послѣдней лекціи.

рукоплесканій. Петръ Григорьевичъ бросился къ дверямъ, но ему загородили путь и двери крѣпко держали. Этимъ желали достигнуть того, чтобы шумъ не распространялся по корридору. Шумъ былъ ужасный, но когда двери отворились и вышелъ Петръ Григорьевичъ изъ аудиторіи, все мигомъ умолкло. Я пошелъ въ канцелярію, чтобы повидаться съ Петромъ Григорьевичемъ и уговориться о днѣ, когда приходить къ нему для составленія программы. Петръ Григорьевичъ ходилъ по комнатѣ страшно взволнованный, грудь его подымалась высоко; увидавши меня, онъ подошелъ и сказалъ: «Что вы со мной дѣлаете?... Вы видите, что со мной происходитъ!»... Я не зналъ, что и отвѣчать. Я началъ извиняться, указавъ на то, что намъ было выше силъ долѣе удерживаться отъ выраженія своихъ чувствъ и т. п. Петръ Григорьевичъ ничего не сказалъ, но видимо онъ все хорошо понялъ и согласился, что иначе мы и не могли поступить.

Черезъ дня три-четыре послѣ этой исторіи, ректоръ университета получилъ отъ попечителя запросъ о томъ, по какому случаю не было доведено до свѣдѣнія объ аплодисментахъ и, вообще, что было читано профессоромъ Рѣдкинымъ такого, что вызвало такую шумную овацію. Университетское начальство было застигнуто этимъ вопросомъ врасплохъ, такъ какъ никто не слыхалъ ни отъ кого объ устроенной Петру Григорьевичу овціи. Узнавъ въ чемъ дѣло, оно по принадлежности сообщило, «что Петръ Григорьевичъ читалъ послѣднюю лекцію, на которую собрался почти весь университетъ, что никакихъ аплодисментовъ и овацій не было, но что, когда вся масса слушателей встала и начала расходиться, то и произошелъ шумъ».

Экзаменъ по исторіи философіи права производился весьма слабо. Петръ Григорьевичъ говорилъ, что такъ экзаменовать, какъ онъ экзаменовалъ по энциклопедіи права нѣтъ никакой возможности, что это очень трудно для студентовъ. Почти всѣ экзаменовавшіеся прошли и прошли удовлетворительно. Когда въ нашемъ курсѣ кончились всѣ экзамены, я вмѣстѣ съ другими моими товарищами былъ командированъ къ Петру Григорьевичу

просить его назначить намъ день явиться для поднесенія альбома.... Долго послѣ объясненія причины нашего посѣщенія Петръ Григорьевичъ молчалъ, ничего не говорилъ, а все ходилъ по комнатѣ. Наконецъ онъ сказалъ: «Благодарю васъ, господа. Но зачѣмъ это? Не есть-ли это только увлеченіе ваше?... Вы еще молоды, вся жизнь ваша еще впереди. Вѣдь вы этимъ можете противъ себя вооружить, вызвать разные взгляды. Я уже тайный совѣтникъ, обвинять меня въ либерализмѣ нельзя, а вы вѣдь еще начинаете жить. Благодарю васъ за ваши чувства ко мнѣ, но теперь принять вашего подарка не могу. Лучше подождите, подумайте годъ, и тогда, что прійдетъ вамъ на умъ, то и сдѣлайте». Мы поняли, что пока мы не покончимъ разсчетовъ съ университетомъ, онъ не желаетъ отъ насъ получать альбома. Хорошо, сказали мы, мы будемъ ждать годъ, но вы должны будете принять наше подношеніе. Дайте-же намъ теперь, сегодня, хоть въ этомъ слово.

— «Ну это другое дѣло, тогда и поговоримъ», — сказалъ Петръ Григорьевичъ, и мы простились.

Такъ ушли мы, депутаты, отъ Рѣдкина ни съ чѣмъ. Долго пришлось успокоивать и уговаривать товарищей, что въ этомъ поступкѣ Петра Григорьевича нельзя видѣть для себя ничего обиднаго и унизительнаго, но молодежь бушевала и настаивала на своемъ — идти немедленно и поднести альбомъ. Благоразумная партія наконецъ взяла верхъ и было постановлено ждать еще годъ.

Въ бытность мою уже студентомъ четвертаго курса, я не разъ заходилъ на лекціи Петра Григорьевича. Но вотъ однажды меня встрѣчаютъ нѣсколько человѣкъ студентовъ и говорятъ: идемъ, Шимановскій, сейчасъ Рѣдкинъ будетъ читать о женщинахъ. Уже одну лекцію онъ прочелъ «о положеніи женщинъ въ западной Европѣ», а теперь будетъ продолжать. Вошелъ я въ аудиторію XI, а она, какъ и въ былое время, была полна. Петръ Григорьевичъ продолжалъ изложеніе начатой темы. Сначала онъ объяснилъ положеніе женщины въ Америкѣ, затѣмъ указалъ на отличительныя черты нашего законодательства и лекцію при-

близительно закончилъ такъ: «Смотрите, какое сравнительно высокое правовое положеніе занимаетъ русская женщина среди другихъ женщинъ стараго и новаго свѣта, а съ другой стороны какое низкое общественное положеніе она занимаетъ у насъ... При нашемъ строѣ жизни, русская женщина и не можетъ занять того положенія, которое ей по праву принадлежитъ. Она не выбьется сама, собственными силами, на высоту положенія стараго и новаго свѣта. Вы, молодые юристы, должны протянуть ей руку и дать возможность русской женщинѣ занять надлежащее общественное положеніе»... На этихъ словахъ какъ-бы оборвалась рѣчь Петра Григорьевича. Громъ рукоплесканій раздался ему въ отвѣтъ на этотъ благородный призывъ юристовъ. И такъ было почти постоянно. Гдѣ только возможно было возбудить въ слушателяхъ стремленіе къ добру, Петръ Григорьевичъ это дѣлалъ, и каждый послѣ лекціи невольно сознавалъ себя личностью, способною на все хорошее. Какое вліяніе было Рѣдкина на слушателей, я опредѣлить себѣ до сихъ поръ не берусь. Знаю только, что, выходя изъ лекціи, я всегда, если не сознательно, то инстинктивно чувствовалъ, что есть что-то высшее міровое, что превыше всего, къ чему слѣдуетъ стремиться, что это хорошее должно руководить въ жизни и что «все минется, а одна правда останется», т. е. долженъ осуществиться тотъ девизъ, который Петръ Григорьевичъ выставлялъ всюду. И дѣйствительно, приходится сознаться, что на самомъ Петрѣ Григорьевичѣ вполнѣ и оправдалась эта народная пословица. Сознательно и настойчиво держался онъ вышеуказаннаго принципа и училъ насъ стремиться къ правдѣ и истинѣ. Только теперь, проживши не мало времени, приходится оцѣнить всю прелесть этого ученія. Въ трудныя минуты жизни приходилось не разъ въ этомъ положеніи видѣть и радость и утѣшеніе. Радость при торжествѣ правды и утѣшеніе что рано или поздно, а правда возьметъ свое, она выйдетъ наружу, такъ какъ вѣдь она одна должна остаться, а все остальное миновать. Такъ большинство слушателей понимало вліяніе на нихъ

тѣхъ чтеній, которыя имъ излагалъ Петръ Григорьевичъ. Но это была, такъ сказать, оцѣнка инстинктивная, но вотъ оцѣнка его лекцій съ точки зрѣнія значенія ихъ для науки. Профессоръ *Коркуновъ*, читавшій курсъ энциклопедіи права послѣ Петра Григорьевича, во вступительной лекціи, прочитанной имъ 30 ноября 1878 г. въ Петербургскомъ университетѣ, разобравъ различныя направленія и пріемы преподаванія энциклопедіи права, между прочимъ говорилъ слѣдующее: «Въ нашемъ университетѣ, мм. гг., развитіе энциклопедіи не остановилось на этомъ; она получила здѣсь вполнѣ опредѣленную постановку, какъ общее ученіе о правѣ, и эта заслуга всецѣло принадлежитъ П. Г. Рѣдкину. По этому имя его всегда займетъ видное почетное мѣсто въ исторіи русской энциклопедіи. Онъ первый далъ энциклопедіи вполнѣ самостоятельную, вполнѣ научную постановку. И всѣ тѣ, которые слушали энциклопедію въ этомъ университетѣ, свято хранятъ память объ этихъ лекціяхъ; онѣ научили насъ смотрѣть на энциклопедію, какъ на самостоятельную науку, имѣющую свое содержаніе, свою задачу; онѣ указали намъ, въ чемъ должна заключаться эта задача, и теперь, когда я вступаю на эту каѳедру, моя первая забота будетъ та, чтобы сохранить живымъ этотъ завѣтъ моего учителя, учителя моихъ учителей, учителя цѣлаго ряда поколѣній русскихъ юристовъ»*). О такомъ-же направленіи и значеніи лекцій Рѣдкина заявляется и въ его біографіи, составленной Григорьевымъ**). Но я сдѣлалъ отступленіе, буду продолжать прерванный разсказъ.

Въ бытность мою на третьемъ курсѣ, я написалъ сочиненіе на тему, заданную П. Г. Рѣдкинымъ на соисканіе преміи. Тема была весьма замысловатая: «Объ идеѣ правды, справедливости, правѣ, обществѣ и государствѣ, выражен-

---

*) Журн. Гражд. и Угол. Права 1879 г. мартъ-апрѣль: „Наука права и естествознанія“, стр. 29.

**) См. „Исторію с.-петербургскаго университета въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“. Стр. 330—332.

ныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича». Не смотря на это, 7 человѣкъ представили сочиненія на конкурсъ. Сущность заданной темы отличалась двойственнымъ характеромъ: положительнымъ или историческимъ и философскимъ. Рѣшающему вопросъ предстояло съ одной стороны самостоятельно изучить Уложеніе, какъ главный источникъ, воспользовавшись, однако-же, при этомъ и всѣми литературными пособіями, и самостоятельно-же извлечь изъ этого самаго изученія тѣ понятія о правдѣ и справедливости, обществѣ и государствѣ, которыя именно выражены въ самомъ Уложеніи, привести въ дѣйствительную связь всѣ свои частные выводы и по возможности возвести ихъ къ общей мысли, какъ къ принципу всего Уложенія *).

Петръ Григорьевичъ о каждомъ сочиненіи представилъ самый обстоятельный отчетъ. Онъ и здѣсь себя показалъ не тѣмъ, что другіе профессора. Если у послѣднихъ отзывы о сочиненіяхъ студентовъ отличались лишь краткими и общими замѣчаніями, то разборъ Рѣдкина на наши сочиненія составлялъ сочиненіе на сочиненіе. На тридцати двухъ страницахъ убористой печати Петръ Григорьевичъ разбираетъ наши сочиненія. Мнѣ и здѣсь посчастливилось— Петръ Григорьевичъ моему сочиненію посвятилъ отъ 26—39 стр., т. е. изъ общаго количества тринадцать страницъ, и присудилъ мнѣ серебряную медаль, а Малышеву, бывшему тогда студенту 3-го курса, присудилъ золотую. Моей радости не было конца, когда я узналъ, что получилъ медаль отъ того человѣка, котораго я уважалъ и считалъ какъ-бы своимъ нравственнымъ воспитателемъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ окончанія курса, чтобы участвовать въ поднесеніи Петру Григорьевичу альбома. На окончательныхъ экзаменахъ по уголовному судопроизводству и судоустройству (этотъ предметъ намъ читалъ Чебышевъ-Дмитріевъ), мнѣ пришлось слышать себѣ похвалу отъ

*) Годичный торжеств. актъ въ Императ. с.-петербургскомъ университетѣ бывш. 2 декабря 1866 г., стр. 12.

Петра Григорьевича. Дѣло было вотъ при какихъ обстоятельствахъ. На этотъ экзаменъ пріѣхалъ графъ Паленъ (тогда бывшій товарищъ министра юстиціи). Я отвѣчалъ предъ Паленомъ вторымъ. До меня отвѣчалъ В. (нынѣ членъ Воронежскаго окружнаго суда). Отвѣчалъ я хорошо. Графу Палену мой отвѣтъ понравился, и онъ что-то началъ говорить на ухо Петру Григорьевичу, бывшему ассистентомъ на этомъ экзаменѣ. Впослѣдствіи Петръ Григорьевичъ мнѣ разсказалъ о чемъ говорилось. Графъ Паленъ находилъ, что я очень хорошо отвѣчаю. «Видно, говорилъ графъ Паленъ, понимаетъ то, что передаетъ». «А я ему на это, говорилъ Петръ Григорьевичъ, сказалъ,—онъ чиновникомъ не будетъ,—такъ какъ факультетъ оставляетъ его на каѳедру по исторіи русскаго права».

Сложившіяся обстоятельства заставили меня сдѣлаться дѣятелемъ судебныхъ установленій, но судьбѣ угодно было дать мнѣ возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выступать въ качествѣ преподавателя въ Казанскомъ и здѣшнемъ университетахъ. Это было временное удовлетвореніе моего внутренняго стремленія, которое зародилъ все тотъ-же Петръ Григорьевичъ. Но зато въ теченіе всей моей жизни я носилъ въ себѣ завѣтъ своего профессора, что научныя занятія возвышаютъ духъ, отвлекаютъотъ дрязгъ житейскихъ и могутъ служить руководящей звѣздой въ достиженіи добра. За это доброе я всегда былъ и буду благодаренъ своему учителю.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ былъ назначенъ день для поднесенія альбома. Это было 4 іюня 1876 года. Въ количествѣ шестнадцати человѣкъ, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ одно изъ загородныхъ мѣстъ, гдѣ жилъ Петръ Григорьевичъ. Ѣхать хотѣлось и большему количеству студентовъ, но нашли, что это будетъ неудобно. Я былъ въ числѣ депутатовъ. Петръ Григорьевичъ встрѣтилъ насъ съ членами своего семейства (двухъ дѣвочекъ и сына). Мы торжественно двинулись къ квартирѣ Петра Григорьевича съ своимъ скромнымъ, но для насъ дорогимъ подаркомъ, пріобрѣтеннымъ на студенческіе полтинники. Когда мы пришли въ квартиру, то главный

распорядитель Б. сейчасъ-же въ торжественныхъ словахъ объяснилъ Петру Григорьевичу причину нашего появленія и вручилъ ему альбомъ. Молча принялъ Петръ Григорьевичъ альбомъ, молча пожалъ намъ всѣмъ руки и положилъ его на столъ въ той-же комнатѣ, гдѣ былъ сервированъ столъ для завтрака. Онъ пригласилъ насъ всѣхъ сѣсть за столъ. Подлѣ себя онъ посадилъ своихъ дѣтей и начался завтракъ и бесѣда. Когда было налито шампанское, Петръ Григорьевичъ, поднявъ бокалъ, сказалъ благодарственную рѣчь и пожелалъ намъ хорошаго начала въ жизни. Завтракъ прошелъ весело, оживленно, уходить не хотѣлось, но вдругъ Петръ Григорьевичъ получаетъ депешу, которою его призывали куда-то по дѣламъ службы департамента удѣловъ. Петръ Григорьевичъ сообщилъ намъ это и приказалъ подать еще шампанскаго. Когда налиты были эти послѣдніе бокалы, тогда подошелъ къ Петру Григорьевичу мой пріятель и другъ студентъ В. (нынѣ членъ Воронежскаго окружнаго суда) и сказалъ слѣдующее: «Позвольте васъ, профессоръ, поблагодарить за то направленіе, котораго вы держались въ своемъ преподаваніи. Если охарактеризовать его кратко, то оно заключалось въ томъ, чтобы научить насъ мыслить и мыслить самостоятельно! Спасибо вамъ отъ всѣхъ насъ»! Эти простыя слова всѣхъ насъ тронули до глубины души, такъ какъ они вполнѣ выражали то, что мы всѣ чувствовали. На глазахъ Петра Григорьевича показались слезы. У многихъ изъ насъ онѣ также появились... Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, обнявъ сына, Петръ Григорьевичъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «Смотри, я плачу. Запомни этотъ день!» Обращаясь-же къ намъ, онъ сказалъ: «Вы, господа, не только мыслите, но и чувствуете. Будьте счастливы»!.. Прощаніе было самое задушевное и трогательное, причемъ Петръ Григорьевичъ каждому изъ насъ подарилъ фотографическую кабинетную карточку.

Многіе изъ моихъ товарищей хранятъ этотъ подарокъ и до сихъ поръ, какъ завѣтъ, и держатъ на самомъ видномъ мѣстѣ.

Прощаясь съ своимъ любимымъ профессоромъ 4-го Іюня 1867 года, я не могъ тогда даже и допустить мысли, что я уже больше его не увижу. Бывалъ я въ Петербургѣ часто, но у меня не хватало духа явиться къ профессору. Я боялся предстать предъ глазами своего учителя, такъ какъ дезертировалъ изъ научнаго лагеря. Я чувствовалъ, что не оправдалъ его словъ. Я боялся его безпокоить, а то, что я дѣлалъ, было не такого свойства, чтобы я имѣлъ право къ нему явиться. Прошло много лѣтъ, много поколѣній вышло изъ петербургскаго университета при бытности Петра Григорьевича профессоромъ и ректоромъ петербургскаго университета. Всѣ вспоминали о немъ, но никогда еще слушатели его не вспомнили его такъ единодушно разомъ, какъ въ прошломъ году, вслѣдствіе выхода въ свѣтъ его сочиненія «Изъ лекцій по философіи права». Въ 1 томѣ этого сочиненія между прочимъ помѣщено 15 вступительныхъ лекцій, читанныхъ Петромъ Григорьевичемъ постепенно изъ года въ годъ, начиная съ 1863 по по 1876/7 г. На первомъ планѣ отпечатана именно та лекція, которую я слыхалъ. Та лекція, которую я носилъ лишь въ своей памяти, появилась въ печати. Понятно, съ какимъ волненіемъ и интересомъ я прочелъ ее. Но прочитавъ одну лекцію, нельзя было не прочесть и другой, и третьей и т. д., и образъ маститаго учителя возсталъ вновь предо мной. Когда-же я увидѣлъ, что свое сочиненіе —этотъ плодъ всей своей трудовой жизни, Петръ Григорьевичъ посвятилъ своимъ слушателямъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ, то я проникнулся такимъ чувствомъ благоговѣнія къ профессору, что дерзнулъ написать ему письмо, гдѣ, по мѣрѣ силъ, старался выразить ему свою благодарность за все то, чѣмъ я ему обязанъ въ жизни. Петръ Григорьевичъ, этотъ старецъ, почти слѣпой, отвѣтилъ мнѣ на мое письмо. Письмо писано другимъ лицомъ, но подписано имъ. Однако, изъ одной подписи уже видно, что Петру Григорьевичу многихъ усилій нужно было употребить, чтобы ее сдѣлать. Я невольно себя упрекалъ за то, что вызвалъ съ его стороны такой трудъ.

Само собой понятно, что я не имѣю права въ настоящее время передъ вами, мм. гг., излагать содержаніе этого письма, а равно и того, которое я ему писалъ, но я сохраняю письмо Петра Григорьевича, какъ залогъ, того добра, которое онъ сѣялъ среди своихъ слушателей и какъ доказательство того, какъ глубоко онъ умѣлъ любить ближняго.

Съ выпускомъ въ свѣтъ сочиненія «Изъ лекцій» оказывается, что то, что читалъ Петръ Григорьевичъ съ каѳедры, нынѣ сдѣлалось достояніемъ каждаго. Каждый теперь безъ всякой посторонней помощи можетъ познакомиться съ Рѣдкинымъ по его трудамъ и, по всей вѣроятности, увѣруетъ въ ту обаятельную силу ума, о которомъ онъ слыхалъ отъ другихъ, если не былъ самъ его слушателемъ. Если Петръ Григорьевичъ напечаталъ бы только лишь одинъ первый томъ, гдѣ помѣстилъ-бы лишь свои пятнадцать вступительныхъ лекцій, то и этого уже былобы вполнѣ достаточно, чтобы понять, съ какимъ чистымъ идеальнымъ поклонникомъ науки соприкасалась молодежь и какимъ чистымъ источникомъ онъ былъ для нарождающагося молодаго юридическаго поколѣнія. Критика всѣхъ оттѣнковъ, спеціальная и общая, встрѣтила этотъ трудъ Петра Григорьевича съ большей похвалой. Намъ-же остается лишь удивляться, какъ это Петръ Григорьевичъ, при преклонныхъ своихъ годахъ, при отсутствіи почти зрѣнія, могъ въ теченіе какихъ либо $1^1/_2$ года издать уже пять томовъ лекцій. Правда все, что издаетъ теперь Петръ Григорьевичъ, какъ онъ говоритъ, «не есть дѣло *новое*, а лишь реставрація, возстановленіе, воспроизведеніе *стараго дѣла*», но тѣмъ не менѣе нужно большую энергію, чтобы такъ скоро и быстро реставрировать въ такое стройно гармоничное цѣлое все то, что уже изложено въ V т. его лекцій.

До прошлаго года всѣ причастные къ юриспруденціи знали Рѣдкина, какъ профессора, но очень мало знали о Рѣдкинѣ, какъ ученомъ и литераторѣ. Писалъ Петръ Григорьевичъ сравнительно очень мало. Я знаю лишь его статьи: «О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи до перваго ихъ

преобразованія» (Юрид. зап. т. I, стр. 161) и «О Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ» (Юр. зап. стр. 277). «Обозрѣніе юридической литературы» (Юрид. зап. Рѣдкина и Яневича-Яневскаго. Т. III 1859 г.) «О независимости юстиціи» (тамъ-же т. IV 1860 г.). Изъ труда Г. Григорьева «Исторія С.-Петербургскаго университета въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ», гдѣ помѣщена біографія Петра Григорьевича, приходится узнать, что въ «Москвитянинѣ» была помѣщена замѣчательная статья: «О Гегелевой логикѣ», а на актѣ Московскаго университета, въ іюнѣ 1846 года, онъ произнесъ рѣчь о томъ, «Какое общее образованіе требуется современностью отъ русскаго правовѣдца». Въ 40 годахъ Петръ Григорьевичъ началъ изданіе «Новой библіотеки для воспитанія», гдѣ онъ помѣщалъ свои статьи. Онъ помѣщалъ также свои статьи и въ другихъ періодическихъ журналахъ. Но если кто зналъ Рѣдкина не какъ профессора, то благодаря тому, что онъ издавалъ «Юридическія Записки», безсрочное изданіе юридическаго сборника подъ девизомъ: «*все минется одна правда останется*». Въ предисловіи выяснивъ цѣль и значеніе изданія, онъ писалъ: «Въ наше время начинаютъ уже и у насъ чувствовать потребность въ установленіи такого внѣшняго органа совокупной дѣятельности русскихъ юристовъ, въ которомъ-бы это возникающее сословіе нашло для себя точку соединенія и посредствомъ котораго оно могло-бы общими силами содѣйствовать благимъ видамъ правительства въ дѣлѣ отечественной юриспруденціи, въ распространеніи юридическихъ познаній въ нашемъ отечествѣ и въ укорененіи сознательнаго чувства законности и долга». Указавъ засимъ, почему онъ предпринялъ періодическое безсрочное изданіе и почему далъ ему названіе «Юридическія записки», Петръ Григорьевичъ писалъ: «Всѣ со мною, конечно, согласятся, что надлежащее выполненіе задачи юридическаго сборника сопряжено у насъ со множествомъ значительныхъ затрудненій и отчасти даже непреодолимыхъ препятствій; но да будетъ стыдно русскому юристу избѣгать такого труда, который, вѣро-

ятно, мало кѣмъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но которымъ онъ надѣется достигнуть въ будущемъ полезныхъ результатовъ, награждающихъ его безкорыстную и добросовѣстную дѣятельность».

Подъ непосредственной редакціей Петра Григорьевича вышло лишь два тома Записокъ въ 1841—1842 г., а третій уже былъ изданъ Яневичемъ-Яневскимъ, хотя Петръ Григорьевичъ и здѣсь принималъ участіе. Какъ-бы то ни было, но «Юридическія Записки» Рѣдкина—это праотецъ нашей юридической журналистики. Это первый органъ, гдѣ начали появляться статьи, имѣющія цѣлью дать отвѣтъ на вопросы жизни. Его записки такой-же праотецъ, какъ онъ самъ живой зритель всей современной исторіи русскаго законодательства и научнаго юридическаго движенія.

Петръ Григорьевичъ родился въ 1808 году въ г. Ромнахъ Полтавской губерніи. О своемъ малороссійскомъ происхожденіи онъ намъ неоднократно говорилъ. Объ этомъ онъ вспоминаетъ и въ предисловіи къ своему труду «Изъ лекцій».

Окончивъ полный курсъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (впослѣдствіи лицей), Петръ Григорьевичъ поступилъ отсюда въ 1826 г. для дальнѣйшаго своего образованія въ Московскій университетъ по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ. Съ открытіемъ профессорскаго института въ Дерптѣ онъ изъявилъ желаніе посвятить себя преподаванію права и какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ студентовъ Московскаго университета былъ отправленъ туда съ этою цѣлью въ маѣ 1828 г.

Осенью 1830 г. Петръ Григорьевичъ, причисленный на службу ко II отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи, былъ въ декабрѣ того-же года вмѣстѣ съ другими учеными, посланъ для дальнѣйшихъ занятій по избранной спеціальности за-границу, гдѣ и слушалъ лекціи въ берлинскомъ и другихъ университетахъ. Петръ Григорьевичъ одинъ изъ тѣхъ двадцати молодыхъ людей, которые были посланы за-границу по ходатайству Сперанскаго, гдѣ они и занимались подъ руководствомъ Савиньи.

По возвращеніи въ отечество въ 1834 году, на экзаменѣ, произведенномъ особой коммисіей, въ присутствіи Сперанскаго, Петръ Григорьевичъ получилъ степень доктора правъ Петербургскаго университета, а съ сентября 1835 г. началъ читать лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія и Россійскихъ Государственныхъ законовъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1847 году Петръ Григорьевичъ, помимо профессорскихъ обязанностей, принялъ на себя должность инспектора классовъ въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ, а въ іюлѣ 1848 года оставилъ вовсе университетъ. Тогда произошла та исторія, о которой онъ выразился на нашей лекціи такъ: «Это были тяжкіе годы униженія науки и жизни...» *). «Влеченіе къ профессорской дѣятельности, какъ говорилъ Петръ Григорьевичъ, его, однако, никогда не оставляло». Когда-же ему было сдѣлано предложеніе занять каѳедру по энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1863 году, то, какъ онъ самъ заявлялъ, «поспѣшилъ» изъявить свое согласіе. «Отвергнуть воззваніе къ той общественной дѣятельности, которую я никогда не переставалъ любить съ юношескимъ жаромъ и для которой я постоянно продолжалъ трудиться въ тиши кабинета, считая ее своимъ внутреннимъ призваніемъ, — отвергать эту общественную дѣятельность въ эту минуту возстановленія С.-Петербургскаго университета я считалъ преступленіемъ противъ личныхъ моихъ убѣжденій, противъ общественной нравственности, противъ науки, наконецъ и противъ жизни начинающихъ развиваться теперь въ нашемъ отечествѣ...» **). Но независимо отъ всего уже мною сказаннаго, Петръ Григорьевичъ, будучи однимъ изъ живыхъ представителей эпохи возникновенія нашего законодательства въ образѣ свода законовъ, имѣлъ возможность прослѣдить все, что совершалось въ законодательствѣ нашемъ. На его глазахъ началась и расцвѣла крестьянская реформа. Онъ-же видалъ зарожденіе и примѣненіе земскаго и городскаго самоуправ-

*) См. „Изъ лекцій“, стр. 19.

**) Тамъ-же, стр. 19.

ленія, на его глазахъ начала нарождаться и судебная реформа съ своими судебными и адвокатскими сословіями. На глазахъ Петра Григорьевича прошло нѣсколько системъ нашего образованія и три университетскихъ устава. Уже этого одного вполнѣ достаточно, чтобы преклониться предъ Петромъ Григорьевичемъ, какъ ученымъ, который все это наблюдалъ, все это оцѣнивалъ критикою ученаго, который во всю свою жизнь работалъ, трудился, а на закатѣ дней началъ издавать свои лекціи, требующія и большой энергіи и силъ духовныхъ.

Получая свое заграничное образованіе подъ надзоромъ главы исторической школы Савиньи, Петръ Григорьевичъ, однако, не подпалъ подъ вліяніе его ученія, онъ былъ Гегельянецъ и его симпатіи были на сторонѣ противника Савиньи.

Читая статью Петра Григорьевича «О Гейдельбергскомъ университетѣ», помѣщенную въ «Юридическихъ Запискахъ», сейчасъ видно, что авторъ истый поклонникъ Тибо, преклоняющійся предъ его талантомъ, этимъ даровитымъ оппонентомъ исторической школы.

Петръ Григорьевичъ съ такою ясностью и въ такихъ чарующихъ выраженіяхъ описываетъ образъ Тибо, что этотъ послѣдній какъ бы живой стоитъ передъ вами, со всѣми своими внѣшними и внутренними качествами и недостками. Въ этомъ описаніи я невольно, помимо всякаго насилія надъ собой, нашелъ большое сходство чертъ Тибо съ Петромъ Григорьевичемъ. Перечитавъ эту статью теперь, на дняхъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательную, я просто поражался на каждомъ шагу тому сходству, которое во многихъ качествахъ личныхъ и какъ профессора приходилось открывать, проводя сравненіе между Тибо и Петромъ Григорьевичемъ. Для примѣра приведу слѣдующее мѣсто.

«Литературная дѣятельность Тибо», пишетъ Петръ Григорьевичъ, не велика въ сравненіи съ новымъ поколѣніемъ преподавателей.

«Это не случайно. Тибо не любилъ безмолвія писаннаго слова, которое придаетъ животрепещущей мысли болѣзненную, мертвенную блѣдность ученаго кабинета. Его сфера тамъ, гдѣ онъ полнымъ, сильнымъ голосомъ *бесѣдуетъ живой съ живыми*, а потому самою высшею точкою дѣятельности Тибо было его *университетское преподаваніе* *)».

Не то-же самое и Петръ Григорьевичъ? Не та-же сравнительно скудность его литературныхъ трудовъ и не то-ли стремленіе у Петра Григорьевича, какъ и у перваго, къ каѳедрѣ, гдѣ Петръ Григорьевичъ стоялъ превыше многихъ изъ жрецовъ науки и говорилъ не разъ намъ, что его мечта умереть на каѳедрѣ. А нынѣ, издаваемыя имъ лекціи не есть-ли это то-же чтеніе съ каѳедры, но уже не передъ студентами только, а въ аудиторіи всего русскаго интеллигентнаго общества?

Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь еще одной выписка изъ вышеуказанной статьи, чтобы указать не только на сходство, мною подмѣченное, а также и для того, чтобы показать, какъ умѣетъ выражаться Петръ Григорьевичъ: «Тибо замѣчателенъ потому, что достигъ истины не черезъ внутренній процессъ мышленія, а непосредственнымъ свѣтлымъ своимъ взглядомъ на міръ: онъ относится къ числу тѣхъ геніальныхъ людей, которые однимъ творческимъ актомъ проникаютъ въ сокровенную сущность вещей. Этимъ объясняется свѣжесть его взглядовъ, ясность его созерцаній, неизсякаемая полнота его духа и сердца, что-то весенее во всемъ его существѣ, его увѣренность въ самомъ себѣ, наивность, съ которою онъ схватываетъ всякое явленіе, передается ему, теряется въ немъ до игривой шутки и вдругъ уносится въ возвышеннѣйшія сферы, гдѣ снисходятъ на него то воодушевленіе, та сила генія, которой трудно противиться.

«Съ этой возвышенной точки, съ которой онъ все вокругъ себя подчинялъ себѣ, онъ не упадалъ въ утомленіе, въ бездѣйствіе послѣ кратковременнаго жара, потому

*) „Юр. Зап.“ стр. 319.

что онъ возносился въ ту страну духа, гдѣ ему все было знакомое, родное, свое» *).

Описаніе вполнѣ поэтичное, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая вѣрная картина всего того, что дѣлалъ Петръ Григорьевичъ, и того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на своихъ слушателей... Нужно обладать высокимъ умомъ и сердцемъ, чтобы умѣть такъ выразить свою мысль... Но довольно я говорилъ о Петрѣ Григорьевичѣ отъ своего имени, скажу теперь и словами другихъ.

О Петрѣ Григорьевичѣ говорили и писали вообще мало, но юбилей его нынѣшняго года вызвалъ нѣсколько замѣтокъ, написанныхъ съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣйствительности. Вотъ что напечатано въ «Судебной газетѣ».

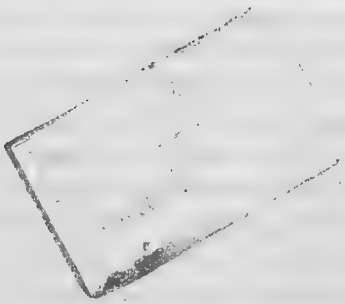
«На его лекціяхъ, всегда увлекательныхъ по формѣ и богатыхъ по содержанію, воспиталось нѣсколько поколѣній русскихъ юристовъ, изъ его аудиторіи вышелъ цѣлый рядъ даровитыхъ учениковъ, впослѣдствіи съ успѣхомъ подвизавшихся и понынѣ еще подвизающихся на разныхъ поприщахъ службы академической, общественной и государственной. Студенты искренно любили и уважали Петра Григорьевича, потому что онъ умѣлъ будить въ нихъ самыя возвышенныя чувства и стремленія, умѣлъ указывать пути къ истинѣ, укрѣплять невѣрующихъ и поддерживать въ нихъ бодрость духа здоровой и полезной пищей. Въ самыя тяжелыя эпохи всеобщаго умственнаго броженія, когда охваченная сомнѣніями интеллигентная молодежь безсильно металась изъ стороны въ сторону, ища отвѣта на многіе жгучіе и «проклятые вопросы» современности, — въ такія годины профессоръ Рѣдкинъ особенно громко возвышалъ свой голосъ и съ факеломъ науки въ рукахъ освѣщалъ пути блуждающимъ, наставлялъ неопытныхъ, ободрялъ невѣрующихъ. Поэтому аудиторія Петра Григорьевича была любимой аудиторіей студентовъ; въ нее входили съ надеждой и уходили успокоенными; она служила источникомъ «живой воды» для всѣхъ жаждавшихъ правды и истины» **).

*) „Юрид. Зап.“ стр. 321.
**) „Судебная Газета“ № 41.

Кто писалъ эти строки, я не знаю, но вотъ слова талантливаго пера одного изъ его слушателей Василевскаго (псевдонимъ Буква). Въ сжатомъ очеркѣ, въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ строкахъ онъ сказалъ многое, и это потому что писалъ это человѣкъ отъ сердца, а главное потому, что онъ былъ слушатель Петра Григорьевича. «Тысячи нынѣшнихъ образованныхъ русскихъ людей просидѣли свои университетскіе годы передъ краснорѣчивою и авторитетною каѳедрою престарѣлаго (П. Г. Рѣдкину въ настояще время около 90 лѣтъ) юбиляра. Тысячи образованныхъ русскихъ людей внимали этой каѳедрѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, съ трепетнымъ интересомъ, съ любовью и съ довѣріемъ, и запомимали навсегда ея прекрасные и возвышенные философскіе завѣты, раскрывавшіе всю исторію человѣческаго духа, учившіе правильно мыслить, горячо, искренно чувствовать, полезно работать, твердо вѣровать и разумно, безкорыстно, граждански дѣйствовать. Курсы энциклопедіи права и исторіи философіи, читавшіеся въ петербургскомъ университетѣ П. Г. Рѣдкинымъ, могли считаться вполнѣ образцовымъ изложеніемъ этихъ капитальныхъ, трудныхъ и сложныхъ предметовъ. Мы, ученики и слушатели Рѣдкина, восторженно любовались его поражающею эрудиціею, его идеальнымъ объективизмомъ, его истолковательнымъ даромъ, его всегда приподнятымъ, увлекающимъ и увлекающимся словомъ. Экзаменаторская строгость маститаго юбиляра, сыпавшаго нули и единицы направо и налѣво, нисколько не мѣшала его обаянію и популярности. Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ Петръ Григорьевичъ покинулъ профессорское поприще, будучи призваннымъ участвовать въ законодательной дѣятельности нашего найвысшаго государственнаго учрежденія, но онъ и теперь профессорствуетъ, хотя и не на каѳедрѣ. Престарѣлый ученый выпускаетъ въ свѣтъ томъ за томомъ свои прежнія лекціи по философіи. Съ необыкновенною любовью и заботливостью приводитъ онъ ихъ въ порядокъ, строй и систему, освѣщаетъ, дополняетъ, переработываетъ, видоизмѣняетъ. Все еще кажется, что сей-

часъ раздастся призывной звонокъ университетскаго коридора, что слушатели его ждутъ, что онъ не успѣлъ все высказать, все объяснить, все согласить, что есть еще въ его преподаваніи недомолвки, противорѣчія, шероховатости, . . Какой это цѣльный и прекрасный общественный типъ и духовный образъ и какъ мало теперь, на нивѣ русскаго знанія, такихъ строгихъ и чистыхъ жрецовъ науки!» *).

Давно пора мнѣ прервать рѣчь свою, чтобы окончательно не утомить вашего вниманія. Хотя я долженъ сознаться, что есть еще много фактовъ, о которыхъ можно было-бы повести рѣчь, но я въ данный моментъ не имѣю права ихъ касаться, а потому на этомъ я долженъ окончить свое сообщеніе.

Мм. гг., я позволилъ себѣ своими слабыми силами воспроизвести передъ вами образъ Петра Григорьевича, и хотя я сознаю, что поступилъ весьма смѣло, но прошу вѣрить, что не принципъ «храбрость города беретъ» руководилъ мною въ этомъ, а искреннее желаніе хотя отчасти напомнить вамъ о томъ, кто 60 лѣтъ трудился на государственной и общественной службѣ, а также чтобы познакомить васъ съ тѣмъ, кто училъ многихъ членовъ нашего общества. Но, главное, я имѣлъ въ виду подготовить васъ въ будущемъ принять предложеніе, которое можетъ явиться, согласно уставу нашего общества, лишь на годичномъ собраніи, а именно избрать Петра Григорьевича *почетнымъ членомъ нашего общества*. Вотъ истинная цѣль моего нынѣшняго сообщенія вамъ, мм. гг., о профессорѣ, о которомъ лишь въ послѣднее время заговорила печать.

*) „Новороссійск. Телегр.“, № 4913.